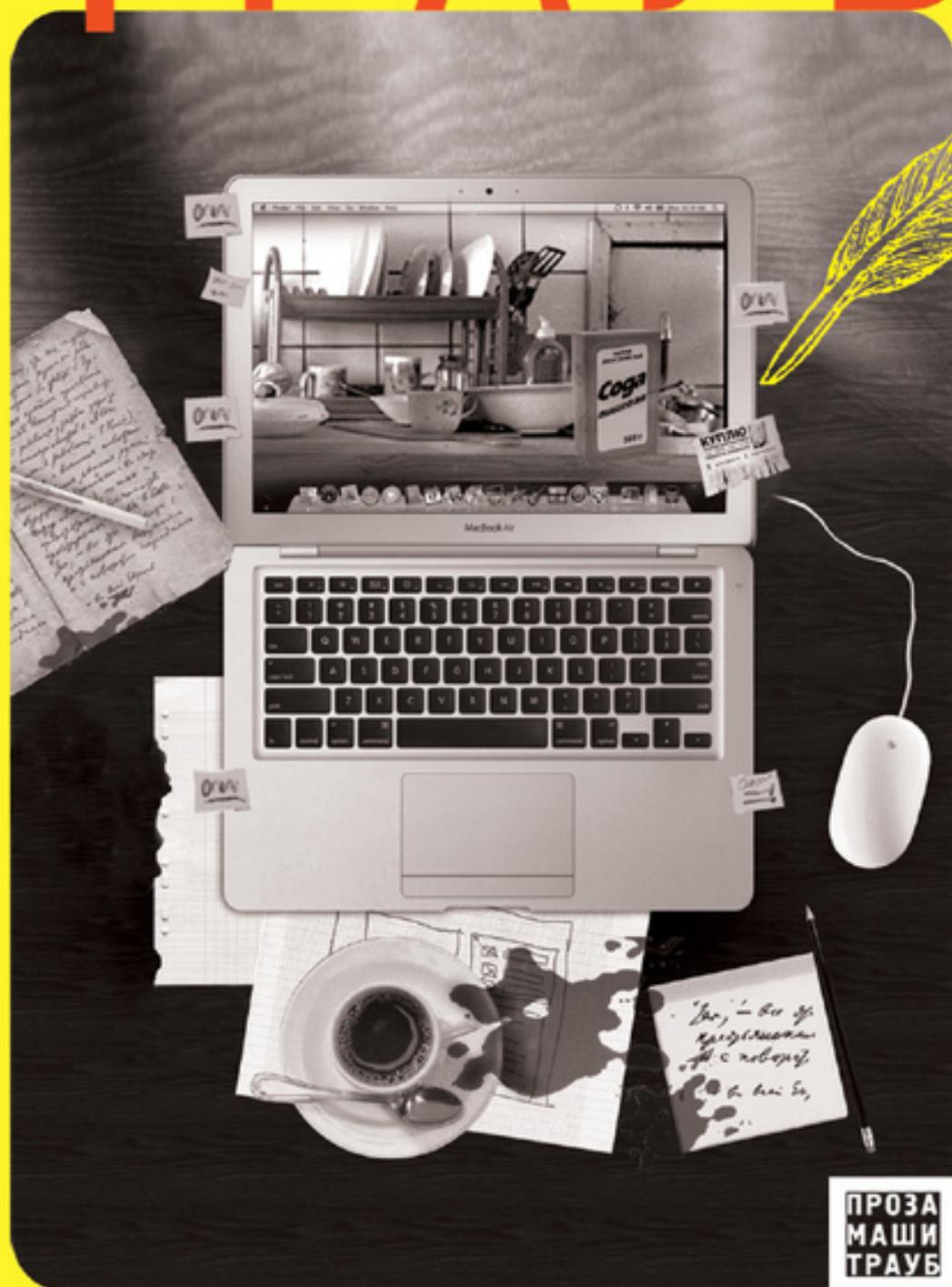

МАША
ТРАУБ

Не вся *La vie*

Вся la vie

Маша Трауб
Не вся La vie

«ЭКСМО»

2012

Трауб М.

Не вся La vie / М. Трауб — «Эксмо», 2012 — (Вся la vie)

– А почему книга называется «Вся La vie»? – спрашивали меня о первой книге читатели, знакомые, и даже мама спросила.– Потому что про жизнь, – отвечала я.– А как назовешь продолжение? – поинтересовался муж.– «Не вся La vie».– Нормально, как в анекдоте, – одобрил он. Маша Трауб

Содержание

Большая жизнь маленькой редакции	7
Когда рассыпается пазл	18
Как прикрыть адюльтер и задушить мужа подушкой	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Трауб Не вся La vie

– Чем я занимаюсь? Чем? – возмутился муж, глядя в компьютер. У него что-то там не ладилось по работе. – После тебя хоть книги останутся, – сказал он мне. Наш шестилетний сын Вася в это время заинтересованно разглядывал фотографии в рамочках.

– Папа, а это кто? – спросил Вася, показывая на портрет.

– Это я, когда мне было столько лет, сколько тебе, – ответил муж.

– Мама, а у вас свадьба была?

– Была.

– А сначала вы дружили?

– Дружили.

– А потом я родился?

– Да.

Вася пристал к бабушке:

– Бабушка, а ты всегда была бабушкой?

– Нет, Васенька, сначала я была молодой и красивой.

– А как ты стала бабушкой?

– Это меня твоя мать довела.

– А дедушка? Он всегда был дедушкой?

– Нет, не всегда.

– Его тоже моя мама довела?

– Нет, его я довела.

– Мама, а сначала кто родился? – спросил Вася меня. – Ты или папа?

– Сначала папа, а потом я.

– А еще раньше кто родился?

– Бабушка.

– А еще раньше?

– Дедушка.

– Значит, дедушка первый родился?

– Да.

– А я тогда был?

– Нет. Тогда и меня не было.

– А папа?

– И папы тогда не было.

– А когда мне будет столько лет, сколько папе, ты будешь?

– Не знаю, может, и буду.

– А папа будет?

– Может быть.

– А бабушка с дедушкой?

– Нет, их уже не будет.

– А кто же у меня тогда будет?

– У тебя будут свои дети.

– Мама, не пиши книжки.

– Почему, Васенька?

– Не хочу, чтобы ты умирала.

– А при чем тут книжки?

– Все, кто книжки написал, уже умерли.

- Не все.
- Все. Я у папы спрашивал. Он сказал, что все те, кто книжки написал, которые он мне читает, уже умерли.
- Так они же давно жили. Зато их книги остались, и дети их читать могут. Даже те, которые еще не родились и родятся потом.
- Нет, я не хочу, чтобы только книжки остались. Я хочу, чтобы ты осталась.
- Хорошо, Васенька. Я останусь.

Большая жизнь маленькой редакции

Я работала в одном журнале. Его сейчас уже нет. А тогда... Журнал приспособивался к новой жизни. Снесли кабинетные двери, оставив только ободранные косяки. По официальной версии – чтобы было похоже на ньюс-рум. По неофициальной – чтобы не закрывались, не пили и не курили в кабинетах во время рабочего дня.

Международный отдел – четыре человека вместе со мной. Начальник – Коля, африканист – Игорь, Настя, отвечающая за Европу, и я – без определенной специализации. Коля тогда только женился, и ему было не до работы. То у него медовый месяц, то поездки с тещей по магазинам, то рыбалка на даче с тестем, то с молодой женой в гости... Коля толстел и лоснился на глазах. Ему все нравилось. И жена, и теща с тестем, и их квартира, в которой он поселился.

Насте было сильно за тридцать. Тяжелый низ и тяжелый взгляд. Она хотела стать редактором отдела и выйти замуж. К обоим целям она шла, закусив удила. Постепенно подгрребала под себя дела, вела материалы, рисовала полосы. Была категорична и упряма.

У Насти был затяжной роман. Избранника звали Жора. Он периодически появлялся в редакции, поэтому про него все знали. Жоре было сорок пять. Он нервно вздрагивал подбородком и обижался на взгляды. У него были женские сочные губы с ярко-красным ободком. Он и кривил их совершенно по-женски. Себя он считал гением и последние десять лет писал диссертацию. Работать не мог, потому что тогда у него не было бы времени на диссертацию. Настя кивала – научный труд важнее, и зарабатывала сама. Еще он отрицал моногамные отношения, подводя под это идеологическую базу. А кто из гениев был моногамен? Никто. А почему он должен? Настя опять кивала. Только взгляд становился мутным. Жора не хотел иметь детей. Он их почти ненавидел. От первого, раннего, давно забытого брака у него осталась дочка, которую Жора видел редко. Почти не видел. Зато она ему снилась. От этих снов он просыпался и не мог уснуть. В его снах дочка то падала с дерева, то ломала ногу, то тонула в бассейне. Просыпался он от взгляда дочери – она в его сне смотрела на него, улыбалась, а глаза были печальные.

– Я боюсь ответственности, – объяснял Жора Насте нежелание иметь детей, – не хочу быть на всю жизнь зависимым. Хочешь дать своему врагу возможность тебя победить – заведи ребенка. Если ты забеременеешь, я соберу вещи и уйду.

Настя согласно кивала.

Она помимо работы подрабатывала репетитором – бегала по урокам, натаскивая подростков на паст перфект и неправильные глаголы. Она тоже ненавидела детей. Чужих. Особенно перед окончанием четверти, когда родители звонили и просили натаскать хотя бы на «три».

Только иногда – в последнее время все чаще – ей снилось, что она одна. Совсем одна. Лежит и не может пошевелиться. Все куда-то идут, спешат. А она должна лежать. Потому что ей нельзя спешить. И идти нельзя. А можно только тем, у кого есть дети. Настя понимала, что у нее осталось два, в лучшем случае три года. И то если все сложится.

Жоре она сама сделала предложение. Когда стало совсем тоскливо. Наверное, она не очень хотела замуж за Жору. Точнее, хотела, но не за Жору. Но, кроме него, все равно никого не было.

В загсе, когда подавали заявление, Настя уточнила: «Точно уйдешь, если вдруг я забеременею?» Жора кивнул. «Может, рассосется?» – подумал тогда жених, имея в виду свадьбу. «Может, он передумает?» – подумала невеста, имея в виду ребенка.

Настя все равно боялась, что за месяц ожидания Жора «соскочит».

– Зачем он ей такой нужен? – каждый раз удивлялась фоторедактор Юлечка.

– Затем, – отвечала секретарша Таня. – У Насти неудачное сочетание возраста и характера.

Африканист Игорь, в свою очередь, переживал период развода. Игорь, несмотря на просьбы начальства следить за новостями, упорно писал про африканских диктаторов с длинными непроизносимыми именами. Он был тихим, безобидным алкоголиком. Правда, редким занудой и брюзгой.

Ему все не нравилось. Почти бывшую жену он считал стервой, тещу – мегерой. Правда, из их квартиры, которую он считал хорошей, уходить не хотел. Некуда было. Жена, даром что стерва, его жалела и, когда мама и почти бывшая теща засыпала, пускала переночевать на диванчике на кухне. А теща, если просыпалась, собирала манатки почти бывшего зятя и выбрасывала на лестницу. Тогда он жил на диванчике в библиотеке редакции. Развод у Игоря длился давно, и все привыкли к тому, что утром перед планеркой он с зубной щеткой и расческой с обломанными зубьями идет в туалет.

Единственное, что всем в редакции мешало, – запах. Особенно Жоре. Он, как заходил в отдел, сразу начинал кривить рот. Игорь ел в редакционной столовой или покупал в магазине готовые салаты. У него была целая коллекция стеклянных банок с крышками, в которые он перекладывал салаты. Про запас. Что-то хранил в холодильнике у секретарши Тани, что-то – в ящике письменного стола. Салаты тухли и воняли. Запах заплесневевшего винегрета, казалось, впитался в обои. Банки Игоря выбрасывать было нельзя – он все время с уборщицей ругался и доставал из мусорного ведра «свою баночку». Иногда он пропадал в середине дня – жена пускала его помыться, пока ее мама была на работе.

– Кто пойдет на летучку? – спрашивал Коля. – Маша, иди ты.

– Я текст пишу, не могу.

– Никто не может.

Летучки – это такое мероприятие, где каждый отдел рассказывал главному начальству, что такого происходит в мире, о чем стоило бы написать. При этом, если сказать что-то не то, будешь сидеть, смотреть в стол и ждать, когда большое начальство оторется. А еще на летучках происходила критика вышедшего номера – когда кто-нибудь читает все, что написали другие, и критикует.

– А что заявлять?

– Спроси у народа, что у них есть, – сказал Коля. – У меня что-то голова болит. – Он полез в несгораемый со времен Гражданской войны сейф и достал бутылку красного вина.

Коля был эстет – пил только вино. Первую бутылку даже водой разбавлял. Потому что еще утро. Один к одному – полбокала воды на полбокала вина. А потом, часам к двум дня, у него вода заканчивалась и разбавлять было нечем, поэтому приходилось пить неразбавленным. Вот интересно – вино у него никогда не заканчивалось.

Я отправлялась опрашивать коллег.

С Игорем столкнулась в коридоре. Он шел почти счастливый, вытянув вперед руки. В растопыренных пальцах – маленькие бутылочки со спиртными напитками. Такие, какие раньше привозили из-за границы из мини-баров. По пять в каждой руке. Я понимала, что в левую руку, между пальцев, Игорь распахал бутылочки сам, а кто ему помог распахать мелкую тару в правую?

– Игорь, что у тебя есть? Я иду на летучку, – спросила я.

– Конго, – счастливо улыбнулся он и с любовью посмотрел на свои вытянутые руки.

– А что в Конго? Что там случилось?

– Конго – это Африка, – продолжал улыбаться, теперь уже мечтательно, Игорь. – Не ходите, дети, в Африку гулять. В Африке – гориллы и злые крокодилы...

– Да ну тебя, – рассердилась я. – Настю не видел?

– Видел.

– Где?

– Вчера.

Побежала по коридору дальше. Настя сидела у фоторедактора Юлечки. Юлечка красила ногти. Настя смотрела, как Юлечка красит ногти.

Настя перевела страдальческий взгляд с Юлечкиных ногтей на меня.

– Он не хочет кольца покупать, – объяснила Юлечка, имея в виду Настиного жениха. – И гараж продавать не хочет.

– Понятно.

– Что у вас? – спросил меня главный на летучке. Я рисовала на бумажке цветочки.

– Конго, – сказала я. Главный молчал и ждал продолжения. – Африка, – пояснила я.

Главный выразительно поморщился.

– А напишите-ка про попкорн, – вдруг задорно сказал он.

– Про что?

– Про попкорн.

– Почему про попкорн?

– Интересно же, – возбудился главный. – Проведите расследование, поднимите материалы. Откуда пошло, почему стал популярный, кто придумал... Почему я должен вам объяснять, как писать материал? Живенько так, с юмором, с анекдотами...

– А информационный повод? – пыталась отбрыкаться я.

– Придумайте. Годовщину какую-нибудь. Или найдите изобретателя этой машины, может, у него юбилей со дня смерти.

На меня все смотрели с жалостью. Я вяло подхихкивала и кивала.

* * *

– Коль, надо писать про попкорн. Главный велел, – сказала я начальнику после летучки.

– Пиши, – сказал Коля. – Опять вода закончилась. – Начальник плеснул себе неразбавленного вина.

– Почему я?

– Ну, скажи Насте.

– Сам скажи.

– Я не могу. У меня текст, – испугался Коля.

Настю Коля боялся. Особенно в последнее время, за три недели до ее свадьбы.

Свои тексты Настя любила и очень ценила. Она приходила в кабинет Коли, садилась на стол и нависала грудью над Колиной головой. Коля пригибался, пытаясь выкинуть лишние строчки. Чем больше Коля черкал ручкой, тем ниже Настя наклонялась.

– Коля, ну Коля, – стонала Настя над каждым вычеркнутым словом, – хватит.

– Еще, – сопел Коля, – могу еще.

Однажды в этот момент в кабинет зашла Колина молодая жена. Увидела бабу на столе с внушительным бюстом и еще более внушительной попой. Баба сидела так, что когда Коля поднимал глаза, то упирался аккуратно в ее бюст. Оба постанывали и не пойми чем занимались. Колина жена выскочила из кабинета.

– Подожди, – побежал следом за женой Коля, – это же Настя.

Жена была поймана и Колиными усилиями возвращена в кабинет.

– Это Настя. Она всегда так сидит. Ты ее видела? Она же это... не в моем вкусе, – объяснял на ходу Коля.

Настя сидела на подоконнике и пила Колино вино из Колиного стакана. Дверца нескороемого шкафа с торчащей из замка здоровенной связкой ключей была призывно открыта. Настя курила в открытое окно. Сквозило. Поэтому она сидела в Колином пиджаке, накинутом на плечи. Пиджак был маловат и жал ей в плечах.

– О, он у вас такой... – сказала Настя вошедшей в кабинет жене. – У-у-ух!

Жена опять выскочила из кабинета.

– Насть, ну ты что? – обиделся Коля.

– Слушай, а почему мужики женятся? – спросила Настя.

– Не знаю. По разным причинам, – ответил Коля.

– А ты почему женился?

– Ну, по любви. – Коля налил себе вина.

– Ну да, – сказала Настя и сплюнула на улицу. – А почему не женятся?

– Насть, иди работай.

– Иду, иду, – сказала она, допила вино и покорно слезла с подоконника.

– А может, родить и пусть уходит? – спросила она в дверях.

– Зачем тогда жениться?

– Логично.

Игорь пришел домой с повинной. Решил мириться. Даже три гвоздики купил и бутылку коньяка. Дверь открыла теща. И, не дожидаясь, выхватила гвоздики из рук зятя и по лицу его этими гвоздиками отхлестала. Игорь даже опешил. Да и цветов было жалко – зря деньги тратил. В общем, теща дверь захлопнула. Игорь сел, оперся спиной о дверь и стал думать. Смотрел на сломанные гвоздики и думал, что теща – стерва, мегера, чтоб ее... И что это она жену против него настраивает. Подумал Игорь, подумал – и стал в дверь ломиться. Бьется плечом, а теща по ту сторону кричит, что сейчас милицию вызовет.

– Марья Степановна, откройте, мне с Леной поговорить надо, – сказал он в дверную щель. От ударов плечо болело.

– Я щас с тобой так поговорю! – заорала теща. – Журналюга, твою мать, продажная.

– Я не продажная, – сказал Игорь, – я честная.

– Так хоть бы продажный был! – заорала теща. – С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Да, – мечтательно сказал Игорь, – продаться бы... Марья Степановна, мы же с вами интеллигентные люди, – сделал он еще одну попытку.

– Интеллигент нашелся. Щас менты с тобой интеллигентно поговорят. Алло! Милиция? Грабят! Насилуют, – театрално заорала под дверью теща.

– Лена, Лена, – простонал по другую сторону Игоря. – Пусти, а?

– Я щас так пущу, так пущу, – заорала теща. – У нее другой есть. Понял? Иди, откуда пришел. Всю жизнь девке сломал, африканец хренов. Черножопых он любит. Вот и пусть тебя черножопые обстирывают и кормят, а нас не трогай. Понял? Что это за работа такая? Про африканцев писать? Да у меня отец воевал! С вашими этими! Кровь свою проливал! Ты про него написал? Нет. А про этих пишешь. Сталина на тебя нет!

– Марья Степановна, – взвыл под дверью Игорь, – при чем тут Сталин? Не путайте божий дар с яичницей.

– Это Сталин у тебя яичница? Вот менты щас приедут, они из тебя яичницу сделают, козел, – орала теща.

– Мама, ну мама, – услышал Игорь слабый голосок жены из-за двери.

– Что мама? Не лезь, я сказала.

Игорь спустился вниз, вышел на улицу и сел на лавочку. В руках он так и держал пакет с коньяком. Выпив бутылку, вернулся к двери.

– Слышь, ты, верни книги, – заорал он в дверь и пнул ногой. – Все забери, книги верни.

– Пошел вон, пьянь, – тут же заверещала Марья Степановна. Как будто под дверью сидела. – Что брат? Гольтьба. Бесштанник. Шмотье твоё поганое я все повыкидывала.

– Лену позовите, пжста, – ласково сказал Игорь.

– Дорогу сюда забудь, – крикнула теща. – У Лены твоей хахаль есть. Понял? Давно есть. Понял?

Великий африканист сел на пол и уже сквозь пелену увидел, как теща приоткрыла дверь и кинула в него связку книг, перетянутых бечевкой.

Игорь окончательно поселился в редакции на диванчике в библиотеке. Когда от африканиста стало пахнуть не только протухшим винегретом, даже Коля понял, что надо что-то делать. Перед людьми было неудобно. Приходили посетители и наткнулись на заросшего вонючего мужика, который ел из банки винегрет и смотрел недобро. Африканист отрастил к тому времени усы и бороду, так что вареные свекла с картошкой цеплялись за растительность и падали. Игорь, правда, раскладывал для трапезы на столе листы – чьи-то тексты, верстку...

– Это наш лучший африканист, – объяснял людям Коля.

Посетители смотрели недоверчиво.

– Там белых скоро не будет, – говорил пьяно и радостно Игорь, – всех вырежут.

– У него сейчас сложный период, проблемы в семье, – объяснял посетителям Коля, – пойдемте...

В библиотеке собралось немислимое количество стеклотары. Игорь покупал себе к вечеру «мерзавчик» или «чебурашку». Выпивал и ложился на диванчик в библиотеке с книжечкой.

А секретарша Таня все время бегала по редакции в поисках чашек из сервиза приемной главного и зама, которых все равно оказывалось меньше, чем блюдце. Чашки пропадали у международных. Таня точно помнила, что чашку просила Настя, своими глазами видела, как Настя пила из нее чай, а потом чашка испарялась.

– Насть, где чашка? – спрашивала Таня.

– Не знаю, на столе стояла, – отвечала Настя.

Пропажа могла обнаружиться дня через два – на Настинном столе.

– Юля, чашки у международных пропадают, – жаловалась Таня.

– Так залезь в тумбочки, – посоветовала Юля.

– С ума сошла?

– Тогда подавай главному чай в блюдечке.

Таня полезла по тумбочкам. В Настинном столе она обнаружила квитанции за коммунальные услуги и фотографии – Настя, совсем пьяная и почти голая, танцует на столе.

В тумбочке Игоря, в нижнем – самом вместительном – ящике, Таня нашла чашки из сервиза. Грязные, с почерневшим ободком и глазками плесени на дне от остатков кофе. Там же валялись спитые чайные пакетики и в ряд стояли банки с пищевыми отходами, которые раньше были салатами.

Таня забрала чашки и закрыла тумбочку. «Немудрено, что от него жена ушла», – подумала она и пошла мыть руки.

Колю вызвал главный редактор.

– Николай, что у вас происходит в отделе? – спросил он.

– Все хорошо, работаем, – радостно сказал Коля.

– Надо решать вопрос с Игорем, – намекнул главный.

– Надо, – согласился Коля. – Решим. Вот он, кстати, текст сдал. Очень хороший.

– Опять про диктатора?

– Опять.

– Может, хватит? Давайте про Европу напишем. А то у вас одна Африка на международных полосах.

– Хорошо, будет про Европу.

Надо отдать Игорю должное – тексты свои африканские сдавал он регулярно. Диктаторы с непроизносимыми многоступенчатыми именами его восхищали. Он писал так, что ничего нельзя было понять. Как ему удавалось – загадка. Игорь не знал ни одного иностранного языка. Юлечка, отвечавшая за подбор фотографий, вечно страдала – они все черные, на одно лицо.

– Этот? – подходила Юлечка к Игорю и совала ему под нос листочек с мужиком в леопардовой шапке.

– Нет, – говорил Игорь, – тот красивый.

– А этот некрасивый? – спрашивала Юлечка.

– Нет.

Юлечка смотрела на африканиста, на фото диктатора, опять на африканиста и уходила...

– Игорь, хватит пока про Африку, – сказал после разговора с главным Коля.

Игорь кричал и размахивал руками. Он говорил, что Европа – в жопе, а будущее – за Африкой. И если Коля с главным не поставят этот текст, то журнал не сможет назвать себя приличным изданием. Все напишут, а мы – нет.

– А кто еще про Африку пишет? – спросил Коля.

– Все, все, – кричал Игорь.

– Ну кто?

Игорь замолчал. Он знал, что никто.

– Мировая пресса, – нашелся он.

– Вот пусть мировая пресса и пишет, а мы не будем, – сказал Коля.

После этого Игорь запил всерьез. На него не обращали внимания, потому что редакция готовилась к юбилею главного. Не просто колбаску покромсать и сырок разложить, а все как у людей. Гостей ожидалось много. Водитель главного таскал выпивку ящиками. Решили отмечать в кабинете. Это был такой кабинет, каких сейчас уже нет. Огромный. Со столом, утопленным в глубине. С видом из окна. Там же проводились собрания, планерки и пьянки в особых случаях. Народ собирался. Все принарядились, подкрасились... Решали, кто первый из отделов будет поздравлять.

– Вы Игоря только не показывайте, – посоветовала Коле Юлечка.

– Я ему в кабинет принесу, – пообещал Коля.

Торжество было в разгаре. Главный принимал гостей и подарки. Юлечка с Колей танцевали. Тут в дверях появился Игорь.

– Игорь, – кивнула на дверь Юлечка.

– Нормальный вроде, – сказал Коля. – Я же ему приносил и велел не высовываться.

Игорь действительно мирно стоял в дверях и смотрел на всех с улыбкой. Потом подсел в уголок к столу и аккуратно взял пластиковый стаканчик. Пока кто-то говорил тост, он не пил, держал стаканчик и слушал, улыбаясь. Когда все выпили, Игорь тоже выпил. Через некоторое время, когда Юлечка танцевала с главным, а Коля звонил жене и говорил, что задерживается, Игорь сделал то, что сделал.

– Коля, скорее, – выбежала в коридор, где разговаривал Коля, Юлечка.

– Что?

– Игорь.

Юлечка потащила Колю в кабинет главного. Никто не танцевал. Все жались к стенкам и смотрели в одну сторону. Около стола главного редактора, стеснительно отвернувшись к окну, стоял Игорь. И справлял нужду.

– Игорь, прекрати, – кинулся к нему Коля.

– Не могу, – ответил африканист, показывая на льющуюся на исторический паркет струю. – Ты посмотри, как красиво.

– Что? – перепугался Коля, скосив глаза на Игоревы брюки.

– За окном. Огни, – мечтательно сказал Игорь, стряхивая капли.

– Что ж ты наделал? – с ужасом спросил Коля, окончательно протрезвев. Игорь стоял в луже мочи и улыбался.

– Это вам за Африку, – ласково сказал он. – Насрать я хотел на вашу Европу. То есть насрать.

Юлечка, секретарша Таня и бухгалтерша прибежали с листами бумаги и начали лихорадочно раскладывать на полу.

– Чем воняет? Водки кто-нибудь нальет? – поднял голову от стола пьяный классик отечественной журналистики.

Коля, уводя Игоря из кабинета, плеснул классику водки.

– Не хочу, – нудел Игорь, висая на Коле, – мне нужно к главному подойти. Я хочу ему рассказать. Про Африку.

– Расскажешь, завтра все расскажешь, – говорил Коля.

Игорь после этого пропал на неделю. Юлечка позвонила его жене и сказала, чтобы Игоря забрали. В редакции его с тех пор называли «писающий мальчик». Нет, его не уволили. Спустя неделю он уволился сам, обвинив главного в расизме.

Журнал продолжал жить своей бурной редакционной жизнью.

Настя таки вышла замуж. Заодно выяснилось, зачем Жоре понадобился поход в загс. Когда Настя забеременела, Жора сдержал обещание – собрал вещи и ушел. Точнее, уехал. В Америку. Ему не давали визу, а после женитьбы дали. Настя стала «соломенной вдовой», потому что развестись не успела. Или Жора не захотел. Исполнилась и другая мечта Насти – она стала редактором отдела. Вместо Коли.

Коля ушел в бизнес. Не по доброй воле. По зову тестя, который организовал какую-то строительную контору. Бизнес семейным не стал – Коля развелся с женой. Потому что тесть достал. И бизнес его достал.

Коля вернулся в журнал обозревателем и домой – к маме. Стал серьезным и солидным.

Коля больше не сидел в редакции, а только заходил. В один из таких заходов влюбился в Юлю. Самое ужасное, что он влюбился всерьез.

Тогда только появился джин-тоник в жестяных банках, и Юля его распробовала на пару с секретаршей Таней. После двух банок Юля начинала хохотать на весь закуток, служивший редакционной столовой, а Таня переносила туда телефонную трубку. Ей только недавно поставили новый телефон вместо старого, на толстом проводе.

– Гениальное изобретение, – говорила Таня, держа в руках трубку, – надо тому человеку, кто это придумал, памятник поставить.

– Таня, включи автоответчик, – хохотала Юля.

– Не могу. Еще... – Таня смотрела на часы, – десять минут до конца рабочего дня.

– Но ты же уже не работаешь?

– Работаю, – говорила Таня и показывала трубку.

Если в столовую заходил кто-нибудь из начальников, Таня сжимала трубку между коленями. Она ее так прятала.

– Ты чего трубку прячешь? – хохотала Юля. – Ты лучше банку спрячь.

– Юль, тебе хватит, – говорил Коля, когда Юля открывала очередную банку джин-тоника.

– Коля, не нуди, – отмахивалась она.

– Юль, что тебе еще надо? Коля – перспективный, ты все про него знаешь, он ведь порядочный, точно женится, – говорила ей Таня.

– Ой, ну хватит. Знаю. Не хочу я замуж. Коле ужины нужны и завтраки. И чтобы на выходных к теще на чай. Нет уж.

– Дура ты, Юль.

– Коля, дай до зарплаты, – просила Юля.

– Сколько? – спрашивал Коля.

– Откуда я знаю сколько? – обижалась Юля.

– На что конкретно тебе нужно?

– На все!

Юля с собой боролась как могла. Коля тоже боролся с Юлей как мог. Они договаривались встретиться и выпить кофе – Юля забывала. Он приглашал ее в кино – она опаздывала. К тому же Юля, отличавшаяся фотографической памятью и дотошностью, могла перепутать фотографии. Поставить не ту. Или не того года. Ни к чьим текстам не путала, только к Колиным. Коля думал, что она специально. Юля пожимала плечами и думала, что «не судьба».

Знакомство с Колиной мамой Юля тоже сорвала.

Юля пришла в гости. Колина мама испекла пирог и поставила парадный чайный сервиз. Попили чай, съели пирог. Юля непривычно молчала. Колина мать решила, что девушка, несмотря на спорный внешний вид, тактичная. В любом случае лучше, чем бывшая. Та вообще Колю из семьи забрала. Ему теща стала роднее матери. У Юльки после вечернего загула так раскалывалась голова, что даже говорить было больно. Ей хотелось кофе, джин-тоника, чего угодно, только не чаю.

– А покрепче можно? – буркнула она Коле тихо, чтобы его мама не услышала.

– Сейчас, конечно. Колюня, передай заварной чайник, – услышала Юльку мама.

– Мама, Юля вчера много работала, у нее голова болит... – сказал Коля.

– Может, цитрамончику? – обеспокоилась милая женщина.

– Покрепче, – процедила Юля Коле.

– Анальгинчику? – удивилась Колина мама.

– Нет, ничего у нас не получится, – сказала Юля Тане, когда та спросила, как прошло знакомство. – Ну не могу я.

– Зря, – сказала Таня.

Коля продолжал ухаживать.

Юля сидела на работе. К ней зашла Настя – попросить найти карточку для текста.

– Как вообще дела? – спросила Настя, пока Юля рылась в базе.

– Нормально. А у тебя?

– Тоже. Устала. Надоело все.

– Надо в отпуск.

– Надо.

– А дочка как?

– Нормально, тьфу-тьфу. Представляешь, Жора в Москву приезжал и не захотел ее увидеть. Передал деньги – и все.

– Деньги? Надо же!

– Да, он там вроде зарабатывать стал. Что-то из своей диссертации публикует. Не знаю.

И знать не хочу.

– Ну, хорошо что хоть деньгами помогает.

– Ой, не знаю я, что хорошо, а что плохо. Может, и зря я тогда за него замуж вышла.

– Зато у тебя дочка есть.

– Да, есть. А мужика нет. Знаешь, он говорит, что стал спать по четыре часа. Ему дочка снится. Он просыпается и не может уснуть.

– Твоя дочка или от бывшей?

– Не знаю. Не уточняла.

Юля оторвалась от компьютера и посмотрела на Настю. Настя плохо выглядела. Действительно была очень упавшая. И очень несчастная. Как будто обухом по голове ударили.

Юля, разбиравшаяся в выражениях лица, испугалась. За Настю. И за себя. Наверное, в тот вечер она решила, что у нее есть Коля. Рядом. Только руку протянуть. И решила попробовать еще раз. Она позвонила ему и пригласила на ужин. Домой.

– Я даже котлеты пожарила, представляешь? – рассказывала утром следующего дня Юля секретарше. – Я просто не слышала. Честно. Он пришел раньше. Почему он мне не верит?

– Дура ты, – сказала Таня.

То, что Коля пришел раньше, – это вряд ли. А то, что Юля могла перепутать время, – запросто. Юля, по ее словам, была в душе и мыла голову, поэтому не слышала звонка в дверь. Коля подождал и ушел. После этого, когда она одна ела свои пересоленные и переперченные котлеты, он позвонил и сказал, что все, хватит.

Коля не перестал ее любить. Просто так получилось. Он уволился из журнала, перешел в информационное агентство, которое отправило его собкором в другую страну.

Перед отъездом он позвонил и предложил поехать с ним. Она сказала, что ей и здесь хорошо.

Они не видели и не слышали друг друга года два. У нее были скоротечные неперспективные романы, у него – все говорили, что у Коли все хорошо.

– Все, я решила, еду к Коле, – сказала как-то утром Таня Юля.

– Ты думаешь, он тебя ждет? – Таня реально смотрела на жизнь.

– А куда он денется? – хохотнула Юля.

Она позвонила Коле в заграничный город и сказала, что любит его и хочет с ним жить. Может уехать хоть завтра. А Коля... Коля сказал, что женат и три месяца назад у него родился сын. Юля бросила трубку. Коля перезвонил и предложил приехать в гости – познакомиться с женой, которая умница и красавица, и посмотреть на сына. Юля опять бросила трубку. Коля опять перезвонил и пожелал ей счастья.

Юля тогда вышла замуж и начала пить.

– Что ты с собой делаешь? – спрашивала Таня.

– У меня все нормально, – отвечала Юля.

Муж, как считала Таня, точная Колина копия, Юлю зашивал. Раз в год. Когда проходил срок, Юля отрывалась. Пила сутками. Приходила пьяная на работу. Таня с Настей ее прикрывали, отвозили на такси домой. Юля срывала номера. Но даже главный не вызывал ее на ковер. Он знал, что делать с пьяным африканистом, а что делать с пьяной девушкой – не знал. Хотел помочь, но не понимал как. Мог только не увольнять.

А потом... Журнал перестал существовать. Закрылся из-за отсутствия финансирования. Как многие журналы в то время. Все разошлись по разным местам, и даже Таня не знала, что стало с Юлей. Слышала только, что муж ее бросил.

Юля еще раз вышла замуж и сменила фамилию. Жила в счастливом браке солидный срок. Муж, младше Юли на шесть лет, встретил ее уже кристально трезвую, ухоженную и печальную. Влюбился, женился. Ее прошлое его не интересовало. Он смотрел на нее и восхищался – Юля всегда знала, что надо делать. Она устраивала карьеру нового мужа – поехать учиться, сдать на МВА, отправить резюме. Секрет был в ее наплевательском отношении. Ко всему. К мужу, к жизни, к себе. Она работала женой. Работодателем был муж. Работу она всегда делала хорошо. Юлю как атрофировало. Она стала одинаково приветливой и одинаково терпимой. Муж был слишком занят своей карьерой, чтобы вникать в причины. Впрочем, другой Юли он и не знал. Ее несло по течению. Она плыла, не барахтаясь, не работая ни руками, ни ногами. День прошел, и ладно.

Замуж – в этот последний раз – она вышла, когда потеряла ребенка. Точнее, отказалась от ребенка.

Коля появился в Москве тогда, когда Юля, брошенная тогдашним, первым, мужем, сидела одна на кухне и допивала вино. В дверь позвонили. Юля пошла открывать. Коля стоял на пороге с цветами и тортиком.

– Привет, – сказал он.

– Привет, проходи, – сказала она.

Они сидели на кухне. Коля пил чай. Юля ела торт, потому что была голодная. Она давно сидела на вине и сигаретах – голода не чувствовала. А когда увидела этот чудовищный торт – с засохшими розочками, поняла, что хочет есть.

– Ты чего приехал? – спросила она.

– По делам, – ответил Коля.

– Понятно. Когда назад?

– Через неделю.

За эту неделю Коля так и не появился у мамы. Он жил с Юлей.

Утром следующего дня она проснулась с противным послевкусием – сливочный крем, сигареты, вино, Колины поцелуи. Пошла в ванную. Оттерлась мочалкой, помыла голову. Зашла на кухню в поисках вина. Увидела остатки торта на столе и еле успела добежать до туалета. Пить больше не хотелось, хотелось жить.

Коля вставал, жарил себе яичницу и убегал по делам. Юля сидела и ждала его. На второй день решила что-нибудь приготовить к ужину. На третий – отмыла квартиру. На четвертый – перестирала все белье. На пятый – сделала маникюр, на шестой – поняла, что любит Колю.

Они сидели на кухне. У него утром был самолет. Он купил бутылку хорошего вина. Юля крутила бокал, рассматривала цвет, нюхала, отпивала маленькими глотками.

– Как ты живешь? – спросила она.

Странно, но за эти дни они практически не разговаривали. Коля ничего не спрашивал, она тоже. Молча ели, ложились спать, вставали.

– У меня жена и двое детей, – сказал Коля.

– Ты ее любишь? – спросила Юля.

– У меня двое детей, – ответил Коля.

Он приезжал к ней раз в три месяца. Иногда раз в полгода. Она ждала. С ужином. Бегая к двери, выглядывая в глазок.

– Ты ее бросишь? Мы будем вместе? – спрашивала Юля.

– Да, – отвечал Коля.

Он рассказал жене про Юлю. Жена – умница и красавица – сказала, что не держит. Держала работа. Он так думал. Считал, что здесь будет никому не нужен. Еще он думал, что там – дом, дети... А здесь – здесь только Юля. Еще мама. Но мама не простила Коле отъезд и женитьбу. Она считала, что он опять ее бросил. Как тогда – когда женился. Опять променял ее на другую, чужую, семью. Коля не спорил и отделялся редкими звонками и подарками по праздникам.

Несколько раз он приезжал в Москву с багажом. Жил, покупал билет, чтобы вернуться за остальными вещами, и... оставался там. Дома. Приезжал к Юле за оставшимися у нее чемоданами, опять жил... и снова уезжал. Разобраться с работой, с детьми, с выплатами за дом...

Дети. Юля видела фотографии Колиных детей. От Коли – только взгляд. Упертый. Рассудительный. Остальное – от жены. Красавицы.

Она не должна была забеременеть. Никогда не предохранялась, и ничего. За столько лет. Юля ни разу даже не подумала об этом. Нет – и нет. По врачам не бегала. А тут – беременность. Коли нет. Он тогда надолго пропал – выбирал школу для старшего сына, устраивал младшую дочь в садик, работал, как подорванный: последний взнос за дом надо было внести. На работе – кадровые перестановки. В общем, хлопоты.

Они только первое время перезванивались часто. Потом все реже. Коля был вынужден считать деньги. Потом он просто звонил и говорил, когда приезжает. Она ждала. Коля получался таким капитаном дальнего плавания. В принципе идеальный вариант. Юля привыкла. И жена Колина привыкла. Обе знали, что уже ничего не изменится. Прошел момент, когда может измениться – тогда, с чемоданами. А раз тогда не случилось, то уже не случится.

Юля не сказала Коле про беременность. Все рассчитала – родит, Коля приедет и увидит уже готового младенца. Тогда она опять поверила в то, что все будет по-другому. А вдруг он бросит жену? Хотя там двое детей, а здесь – один. Но от нее. Шаткое, но равновесие. Юля представляла, как Коля позвонит в дверь, а она выйдет встречать его с таким кружевным кулком на руках. Он плюнет на свои чемоданы и останется. А если даже не останется, то что ж с того. Юля для себя родит. Как Настя. Пора уже.

Юля ходила беременная красавицей. Все в женской консультации обзавидовались. Говорили, мальчик будет. Девочки красоту матери забирают, а мальчики – наоборот. Она даже не сомневалась, что ребенок от Коли будет лучше всех. Видела же она фотографии его детей. Так что – проверенный вариант.

Родилась девочка. Юля ее никак не назвала.

– Пиши отказ, – сказала медсестра в роддоме. Юля посмотрела на девочку и написала отказ. Ее хромосомы с Колиными не так переплелись, не так склеились. Дали сбой. Что-то перемкнуло. Должна была получиться красавица, а получилось...

Юля слушала врача – наследственность, возраст, диагностика... В принципе можно выходить. Точнее, поддерживать. Но не в этом случае. Растение.

– Но она же дышит, – сказала Юля, – сама.

– Дышит. Но мозга нет, – сказала врач.

– Совсем?

– Совсем.

– Но ведь есть такие. В центрах специальных. На Западе... – Юля в этот момент лихорадочно соображала, вспоминая картинки из телевизора. Дети с синдромом Дауна раскладывают кубики, рисуют, поют песни.

– Вам это под силу? – спросила врач, с сомнением посмотрев на Юлю и в ее карту, где в графе «Отец» стоял прочерк.

Девочку забрали в больницу.

– Думали, что умрет, а она живет, – сказала врач.

Юля лежала на диване и смотрела сериалы. Один за другим. Много дней подряд. А потом встала и поехала в больницу. Сказала, что не мать, а журналистка. Нужно для материала. Привезла памперсы, детскую смесь. Смотрела на дочку и на других деток. Приехала домой, легла и уснула. Спала почти двое суток. Просыпалась, шла в туалет, пила воду и опять засыпала. В какой-то момент, сквозь туман, подумала, что хорошо бы вообще не просыпаться. Зачем?

Юля ездила в больницу три раза в неделю.

– Не надо, нечего тебе тут делать, – сказала ей медсестра. Никогда с ней не разговаривала, а тут подошла. Юля, не проронившая за это время ни слезинки, расплакалась.

– У нее лицо Колино, – сказала она медсестре, – копия.

– Иди, не надо, иди живи. В церковь сходи.

– Я в это не верю.

– Не верь. Хуже не будет.

Юля в больницу больше не поехала. Позвонил Коля. Сказал, что приезжает.

– Не надо, – сказала Юля. Она думала, что он переспросит: «Почему не надо?», «Что случилось?» – но он не переспросил. И не приехал.

С тех пор Юльку и атрофировало. Она ничего не чувствовала. Даже когда снова замуж выходила. Даже когда опять жить пыталась. Не получалось. Она не хотела ни напиваться, ни сидеть на таблетках. Ничего. Все вокруг, включая мужа, считали, что она счастливая женщина. Только немного холодная.

Когда рассыпается пазл

Я очень любила пресс-ланчи, особенно если организаторы – профессионалы. Назначать мероприятие не раньше двенадцати – чтобы все проснулись, проводить в центре – чтобы доехали, быстро свернуть – чтобы не устали.

На пресс-ланчах лучше сидеть в уголке, а не в середине. С краю всегда остаются бутерброды какие-нибудь. А в середине, по закону стола, все сразу съедят. Опять же, если сесть в уголке со знакомой, то можно и поболтать. У меня была приятельница по пресс-ланчам – Нинка. Мы никогда не встречались в нормальной жизни, только на таких мероприятиях. Сидели в уголке и шептались.

Нинка была известной журналисткой. До того как забеременела. Работала в ежедневной газете. Она поняла, что беременна, на летучке. Было лето. По дороге на работу, в переходе у метро, Нина купила сливы. Килограмм. Пришла, включила компьютер и, пока читала почту, съела все. Она сидела рядом с кабинетом начальника. К начальнику Нина испытывала физиологические чувства. Он курил трубку и пользовался каким-то удивительным парфюмом. Нина все собиралась спросить, каким именно, чтобы подарить такой же мужу, но не решалась. Начальника Нина узнавала по запаху – сначала появлялся запах, а потом начальник. Нина шалела от такого сочетания – табака и парфюма.

В тот день Нина тоже сначала почувствовала знакомый запах. И... ее чуть не вырвало. Она добежала до туалета, зажав рукой рот. Обошлось, но тошнота не прошла. Нина решила, что давление и переутомление.

Зашла в кабинет на утреннюю летучку.

– Простите, – сказала Нина. Уже все сидели. Начальник утрамбовывал табак в трубке. Это был ритуал. Все сидели и ждали, пока он выберет трубку из коллекции, стоящей прямо на столе, утрамбует табак и раскурит трубку. После этого начинали заявляться.

Начальник сделал несколько затяжек, выпустил дым. Нина почувствовала, что задыхается. Очень душно. Коллега начал говорить о пресс-конференции. Нина не слушала, думала о том, что очень душно.

– Меня сейчас вырвет, – сказала Нина вслух.

– Меня тоже, – сказал начальник, имея в виду заявку.

Нина кивнула, и ее вырвало сливами на стол.

Она была такого цвета, что никто даже не стал шутить по поводу бурного вечера. В тот же день Нина получила официальное подтверждение – беременна. Она продолжала ходить на работу, и ее еще два раза рвало на стол начальника.

– Все, иди домой, – сказал начальник.

– Деньги, – сказала Нина, вытираясь.

– Будут. Будешь получать, как получала, только не приходи больше, – попросил начальник.

Нина кивнула.

Она родила мальчика и через положенный срок вышла на работу. Работа не клеилась. Нина звонила домой и ничего не соображала.

– Увольняйся, отсиди сколько надо, потом приходи. Возьму. Если живы будем, – сказал ей начальник.

Нина села дома.

Пожарить омлет, сварить кофе, вытащить мясо из морозилки на ужин. Гриша – муж – два раза возвращался: забыл зонт и телефон. Был злой уже с утра. Хронически уставший. Владик тоже проснулся сердитый.

– Владик, вставай, мой хороший, – уже третий раз подходила к сыну Нина.

– Уйди, уйди, – бурчал Владик, не открывая глаз.

– Давай, нужно зубки почистить, одеться, давай, поднимайся. – Нина погладила его по спинке.

– Нет. – Владик ударил Нину по руке. Больно. Нина пошла докрашивать глаз. Она не любила утра. Утра какие-то бестолковые. Гриша тоже не любил утра – молчал, собирался на автопилоте.

– Пока, – бросал он Нине.

– Пока.

Она отводила сына в сад, заходила в магазин за молоком и хлебом и возвращалась домой.

Нина не хотела отдавать Владика в детский сад. Боялась. А вдруг он не поест и будет ходить голодный? А вдруг упадет или подерется? И вообще, как она без него? А ей что делать? Конечно, можно будет и в магазин съездить, и маникюр сделать, и в бассейн записаться. И встретиться с кем-нибудь. Так ведь ничего не успеваешь. Но на садике настаивал Гриша. Он говорил, что «ребенок должен социализироваться».

Владик пошел в сад. В первый свободный день Нина съездила в магазин и сделала маникюр. До бассейна так и не дошла. Но собиралась. Все подружки работали и могли встречаться только по вечерам. А по вечерам не могла Нина. Потому что нужно было забирать из сада Владика и встречать с работы мужа. А Гриша любил, чтобы его дома ждали.

А Нина ждала Владика из сада. И время отмеряла от и до – до забирания осталось еще три часа, еще час. Иногда время летело быстро – пока в ремонт обуви сходишь, пока из химчистки вещи заберешь, пока ужин приготовишь... А иногда очень тяжело было. Особенно поначалу. Нина даже пару раз забрала сына после обеда. Владик обрадовался – спать не надо. Нина обрадовалась, что он обрадовался. Но воспитательница и Гриша сказали, что «это не дело». Либо ходит, либо нет. Но Нина все равно старалась прийти вечером за Владиком пораньше. Чтобы он не сидел и не ждал ее. Но Владик все равно ждал – сидел рядом со своим шкафчиком и смотрел на дверь. Как волчонок – весь подобранный. Нина заходила, обнимала его, и он обмякал на ней, растекался всем тельцем.

Нина смотрела иногда сериалы или ток-шоу. Но сама себя останавливала. Иначе совсем отупеешь и станешь домохозяйкой. А Нина считала себя девушкой грамотной и все время сама себе говорила, что, если захочет, вернется на работу. Хоть завтра. Ведь работала же она до Владика. Просто сейчас все равно придется выбирать – или ужин для Гриши, или работа. Не будет же она, как Катька, кормить своих замороженной пиццей. А потом, Катька – подруга по бывшей работе и тоже молодая мама – вообще не видит ни мужа, ни дочку. И вся зарплата на нянюку уходит. Какой смысл работать? А нянюка даже хуже, чем детский сад. Дочка Катькина еще маленькая, не говорит. Но Катьке и дела нет – что там чужая тетка с ее ребенком делает? Нина смотрела передачи – кошмар. И бьют, и голодом морят, и издеваются. Катька по вечерам задерживается, приходит поздно, скандалы с мужем Гариком каждый день. Гарик всегда про Нину Катьке говорит – вон, мол, Нина дома, и все хорошо. Но Катьке надо куда-то выходить. Она так и говорит – не ходить, а выходить. А Нине не надо – утром как помотришь в окно, и совсем ничего не хочется. Солнца нет, дождь, ветер. И какой смысл? Только промотаешься день, устанешь как собака...

Нина была по-собачьи дисциплинирована. Характер такой. Ей нужно было знать, что будет сейчас, что через час. Она была привязана к ритуалам, распорядку дня. Режимная девушка.

Раньше она к домашнему компьютеру не подходила. На работе хватало, потом некогда. К тому же на компьютере работал Гриша. И там было все его – файлы, папки, письма в почте, избранное. Гриша как приходил – сразу к компьютеру кидался. А Нине было не до того. То, что она к компьютеру подошла, тоже случайно получилось. Вытирала пыль и случайно кнопку

на процессоре включила. Села. Залезла в Интернет. Полистала сайты для молодых мам, зашла на сайт своей бывшей работы. Не заметила, как час прошел.

Так у Нины и получалось по распорядку дня – час в Интернете. Ничего особенного – Нина набирала привычные адреса. Даже в избранное их не заносила, чтобы Гришу не раздражать. А то он увидит, что она смотрит всякую ерунду – про звезд, про чужие семьи, и перестанет ее уважать. У Нины даже последовательность появилась – сначала она читала новости про звезд, потом на другом сайте про жизнь в стране, потом лазила по баннерам.

Как-то утром Нина по привычке включила компьютер ногой. Она всегда ногой включала. Процессор стоял на полу – неудобно. Нина все собиралась до магазина доехать и купить компьютерный стол с таким ящиком специальным. Компьютер включился и выдал на экран непонятные мелькающие строчки. Нина выключила и включила снова. То же самое. Она сидела и смотрела на экран. Нина всегда впадала во временный ступор, когда привычные ритуалы рушились. Ей и на работе Катька про это все время говорила – «не тупи». А Нина тупила, когда начальник менял задание. Они с Катькой работали в одном отделе. Вот подруга была молодец – быстро переключалась. Нина так не могла. Она вообще не понимала, как можно отменить давно запланированную тему. Все ведь уже решено.

Нина еще немного посидела, уставившись в экран, и позвонила Грише. Мужу она вообще-то не звонила в рабочее время. Считала, что это некорректно, когда жена названивает мужу и спрашивает всякие глупости. Нина не такая. Она никогда Гришу не беспокоила. Он сам звонил – в два и в пять. Всегда в два и в пять. Спрашивал, как дела, все ли в порядке. Вот если бы он позвонил в три или в шесть, Нина бы начала волноваться. Но Гриша был такой же, как она. Она вообще считала, что ей повезло с мужем.

– Аллю, Гриш, это я.

– Кто? – Гриша был серьезен. Нина уже пожалела, что позвонила. От волнения у нее даже голос начал дрожать.

– Ну я, Гриш.

– Что случилось? Что-то с Владиком? – Гриша испугался. Он тоже привык, что жена ему не звонит.

Нина опять подумала, что Гриша такой же, как она. И какое это счастье.

– Нет, все в порядке. Просто у нас компьютер сломался.

– Как сломался?

– Не включается.

– Слушай, я не могу сейчас, позвони своей Катьке, пусть тебе по Интернету найдет фирму – ребята на дом приезжают и чинят. Только прямо сейчас вызывай. Мне вечером нужно будет доделать работу. Поняла?

– Да, хорошо.

Нина любила, когда муж был таким. Ей сразу становилось спокойно – Гриша сказал, куда позвонить и что нужно делать. Муж всегда знал, что нужно делать.

Она позвонила Катьке и взяла телефон. Вызвала. Через час приехал парень. Совсем молодой. Прошел, застучал по клавишам, что-то объяснял – Нина не понимала ни слова, но кивала. Парень сказал, что надо что-то переустанавливать и это займет часа полтора. Нина ушла на кухню, чтобы не мешать. Периодически заходила и спрашивала: «Как дела?» Парень кивал.

– А это вам нужно? – крикнул из комнаты компьютерщик. Нина подошла и заглянула в экран.

– Тут из почты. Мне это убить или оставить? – спросил парень.

– Ой, лучше все оставить. Это мужа. – Она испугалась. Вдруг Гриша придет, не найдет чего-то нужного и расстроится.

Она не удержалась и заглянула в экран.

«Да, я тоже. Сегодня не получится. Завтра с утра. Целу», – прочитала Нина. Обычная переписка. Только «целу» странное.

Компьютерщик ушел. В два позвонил Гриша.

– Ну что, починили? – спросил он.

– Да, все в порядке.

– Ладно, пока.

Нина села к экрану. Хотела проверить, все ли осталось на прежнем месте. Парень по-другому расположил папки на рабочем столе. Все аккуратно, в два столбика. Но не так, как было у Гриши. Ладно, пусть Гриша разбирается. Нина шелкнула на почту. Парень все сохранил, как и обещал. Заархивировал.

Нина читала и медленно впадала в ступор.

У мужа была любовница. Судя по переписке, давно. Они встречались или до работы – с утра, или после. Она не просила, чтобы Гриша бросил семью, потому что тоже была замужем. Им было не только хорошо вместе, но и удобно – они оба были семейные, а значит, режимные. Правила одинаковые – нельзя звонить домой, нельзя хотеть большего, нельзя просить невозможного. Она даже спрашивала у Гриши, как Владик. Выздоровел ли? Нина вспомнила, что Владик болел гриппом две недели и в сад не ходил. Может быть, у нее тоже есть ребенок? Гриша писал ей банальности – скучаю, люблю, скорей бы... Нина и не знала, что он так может писать. Ей он никогда не говорил, что скучает и любит. Это было понятно без слов.

Интересно, как зовут эту девушку? Или женщину? Гриша ни разу не назвал ее по имени. Она старше Гриши или младше?

Нина выключила компьютер. Посидела в ступоре и опять включила. Перечитала переписку.

Это была не банальная интрижка. Гриша любил эту женщину. Дорожил ею. Советовался по работе. Значит, у них общее дело. Нина вспомнила присказку мамы: «Людей объединяет или общее дело, или общие пороки».

Гриша с этой женщиной мечтали о ночи. Хотя бы одной. Чтобы вечером уснуть вместе и утром проснуться вместе. Такая простая мечта. Они все время планировали – как это сделать? Но все время что-то не стыковалось. Если мог Гриша – Нина с Владиком была на даче, – то не могла она – муж дома. Или наоборот. Но все-таки мечта осуществилась. Даже больше, чем мечталось. Они провели выходные в доме отдыха. Целых две ночи и один день. Им было так хорошо, что даже страшно. Та женщина писала, что ей тяжело, что все время вспоминает те две ночи. Ложится дома с мужем, закрывает глаза и вспоминает те две ночи. «А Гриша вспоминал?» – спросила себя Нина. И прочитала ответ: «Да, я тоже вспоминаю». Потом они какое-то время не встречались – боялись, что так хорошо им больше не будет. Боялись, что не захотят расставаться. Что захотят быть вместе. Всегда. «С тобой невозможно жить. С тобой нужно дружить, спать, говорить. Но не жить, – писала она. – Мы бы с тобой развелись через неделю». Гриша соглашался. «Тебя нужно любить на расстоянии», – отвечал ей он.

Это так странно, думала Нина. Она ничего не заметила. Не почувствовала. А должна была почувствовать? Вот сейчас она чувствует: Гриша с этой женщиной – они по-настоящему близки. Так, как никогда не были они – Гриша с ней, Ниной. И теперь уже не будут.

Если бы компьютер не сломался, так бы ничего и не узнала? Но компьютер сломался – значит, это судьба? Значит, она должна была узнать? И что дальше?

Она сидела и думала – а где они встречаются? А что они делают вместе? А Гриша с ней другой? А она красивая? Почему она раньше не нашла эту переписку?

Нина заплакала. Она не знала, что делать. А что-то ведь надо делать. Нина решила позвонить Кате.

– Кать, это опять я.

– Да, только быстро. – Подруга была «в запаре».

– Слушай, а тебе Гарик изменял когда-нибудь? – начала издали Нина.

– Нин, ты чего, сериалов насмотрелась? Давно тебе говорю – иди работай. А то совсем дома отупела. Вот звонишь мне и всякую ерунду спрашиваешь.

– Кать, прости. Просто скажи. Изменял или нет?

– Нет, конечно. Еще чего.

– А ты уверена?

– Конечно, я бы сразу заметила. Не слепая же.

– А если бы изменил, ты бы что сделала?

– Выгнала бы на фиг. Чтобы потом приполз и прощения просил. Нин, не темни, ты что-то про моего Гарика знаешь? Он, конечно, любит перед девицами хвост распушить, но никогда бы не пошел налево. Он меня любит.

– Нет, нет, что ты. Я просто так.

– Ну ладно, кончай смотреть сериалы. Пока, мне работать надо.

Нина опять выключила компьютер и посмотрела на часы. Кошмар. Она опаздывает за Владиком. Сегодня его нужно забрать пораньше – придет англичанка.

Нина не понимала, зачем Владик так рано нужно заниматься английским. Но Гриша настоял. Сам он ходил на курсы бизнес-английского – для работы. И считал, что если бы не его уровень знаний языка в объеме средней школы, то и работа была бы сейчас получше, и зарплата повыше. Англичанка Марина Михайловна нашлась в соседнем подъезде. Ходила два раза в неделю. Нина ее терпела.

Марина Михайловна даже из соседнего подъезда не могла прийти вовремя. Говорила, в половине пятого, приходила в пять. Могла сказать в четыре, а прийти в тридцать пять минут пятого. Нина – режимно-пунктуальная – смотрела на часы и отмечала опоздание.

– Так ведь нельзя, я не могу день построить. Нужно сидеть и ждать ее. А так Владик еще в саду бы поиграл. Он плакал, когда я его выводила: не успел железную дорогу достроить, – жаловалась Нина мужу.

– Зато она хороший педагог. И берет гуманно, – отвечал Гриша. – Попроси ее звонить вам перед выходом. Не проблема.

– А еще она потом чай садится пить, – продолжала Нина. – Я не могу ее слушать. Одно и то же.

– Скажи, что у вас другие дела. Нин, ты что, с одной преподавательницей разобраться самостоятельно не можешь? Не нравится тебе, что она чай пьет, не надо предлагать.

– Но неудобно же.

– Тогда не жалуйся.

Нина больше и не жаловалась. Один раз она сказала Марине Михайловне, что они идут в гости и сегодня чая не будет. Но Нина не умела врать, и Марина Михайловна обиделась. Нина видела, что обиделась.

Собственно, чая Нине было не жалко. Но Марина Михайловна начинала рассказывать про других своих учеников, про свои детские и студенческие годы. И рассказывала так, что Нина сразу отупела.

– Так вот, Николай Иванович сказал, что меня нужно отдать в балет. Потому что у меня выворотность. А в балете главное – выворотность, – рассказывала Марина Михайловна.

Нина не знала, кто такой Николай Иванович и почему он фигурирует в этой истории. Нина и книги не все могла читать. Зато любила читать пьесы, где есть список действующих лиц – с именами, возрастом и характеристикой. Все понятно.

Марина Михайловна с балетной темы могла перескочить на профессиональную.

– Так вот Геночка мне и говорит: «Марина Михайловна, надо чаще встречаться». Представляете, Ниночка? Ой, Геночку я вообще обожаю. Такой умненький. Мама у него, правда, неприятная женщина. Этакая фефа.

Нина не знала ни Геночку, ни Геночкину маму.

Во время чаепития Марина Михайловна сметала с тарелки все, что бы Нина ни положила. Сначала она выкладывала вафли, печенье, конфеты. Марина Михайловна не оставляла ничего. Только чаю просила подлить.

Куда только влезало – плоская как доска. Ни груди, ни попы. Только ноги – как два соляных столба. Нина даже жалела немного Марину Михайловну – с такой фигурой, конечно, ни мужа, ни детей не будет. Вот ей и поговорить не о чем – только о чужих детях и утках. И не с кем – дома-то никого. Только в гостях. И лицо всегда какое-то смывое. Марина Михайловна была блондинкой. Белесой. Как будто она умылась и вода смыла ресницы, брови, губы. «Хоть бы накрасилась, что ли», – думала иногда Нина. А утками своими англичанка уже замучила. Нина была один раз в ее квартире – все в утках. Чашки, чайник. Утки засидели шкаф, подоконник, полки... Нина как увидела уток, сразу поняла, что ей в Марине Михайловне не нравилось. Голос. Говорила – как будто кричала. Противно, на странном полутоне.

– Марина Михайловна, когда была маленькая, точно щипалась, – сказала Нина как-то Грише.

– Почему щипалась?

– Знаешь, всегда есть девочки, которые щиплются. Подойдут и ущипнут. У меня в детстве была такая подружка. Марина Михайловна точно щипалась.

– С чего ты взяла?

– Она уток собирает.

– Ну и что?

– Утки всегда щиплются.

– Это гуси щиплются, – не понял Гриша. – Нин, ну что ты к ней привязалась? Нормальная учительница. Главное, чтобы результат был.

Владик в отличие от Нины Марину Михайловну терпеть не желал. По дороге из сада – Нине приходилось отрывать сына от игры – Владик канючил: «Не хочу английский». Нина объясняла, как будет здорово, когда Владик поедет в другую страну, далеко, на самолете надо лететь. Там живут люди, которые говорят на другом языке. И Владик сможет понять, о чем они говорят. Или убалтывала его «всякими глупостями», как говорил Гриша.

– Когда бывает жарко? – спрашивала Нина Владика.

– Летом, – отвечал он, как научили в детском саду.

– Нет, зимой.

– Нет, мама, ты перепутала. Зимой снег и холодно, а летом жарко.

– Не перепутала. Зимой тоже бывает жарко, – заговорщическим голосом говорила Нина.

Владик открывал рот и смотрел на нее так, как будто она сейчас раскроет страшную тайну.

– Зимой бывает жарко в пустыне, – объявляла Нина.

Владик думал немножко и начинал радоваться:

– Правда, правда.

Еще у них была любимая игра в еду. Что можно есть? Нина перечисляла – лягушек, улиток...

– Нет, мама, нет, нельзя! – кричал от восторга Владик.

– А вот и можно. Их во Франции едят.

– А ты ела улиток и лягушек? – тихо спрашивал сын.

– Ела, – отвечала Нина.

Владик смотрел, выпучив глаза.

– Вкусно? – еще тише спрашивал он.

– Не очень. Но есть можно.

– А змею можно есть?

- Можно.
- А какие люди едят змею?
- Которые живут в Китае.
- И им вкусно?
- Вкусно.
- А что еще едят?
- Червяков, гусениц, кузнечиков...

Владик от восторга шел быстрее. Правда, как-то он рассказал про зиму летом и съедобных лягушек в детском саду. Воспитательница его поправила – так не бывает. Владик разрыдался: «Бывает, бывает. Мне мама сказала. Она знает». Вечером воспитательница посоветовала Нине позаниматься с сыном по временам года.

Нина пересказала это Грише.

– Нина, что ты ему голову забиваешь? Ему же еще в школу идти. Пусть говорит то, что положено. Он все равно объяснить не может – все путает. И нечего блистать эрудицией. Еще подумают, что он идиот.

Нина хотела одного – чтобы Владик не думал про английский и был в хорошем настроении. Ей хотелось, чтобы ему было весело и интересно. Ей хотелось, чтобы сын был не такой, как все. Она – такая, как все. Среднестатистическая. Без блеска. Так пусть хоть он будет другой. Пусть не с блеском, а хотя бы с искоркой.

Нина собралась и побежала в сад. Владик по дороге завел ту же песню: «Не хочу английский». Нина сначала молчала – все думала про переписку мужа. Про то, что ей только Марины Михайловны сейчас не хватало. Ей хотелось посадить Владика смотреть мультики, уйти на кухню и подумать – решить, что делать. А англичанка опять чай сядет пить. Владик продолжал ныть на одной ноте: «Не хочу английский, не хочу английский». Наверное, он ждал очередной истории. Но Нина забыла про их ритуал. Она не выдержала и сорвалась. Влепила Владiku по заднице, прямо на улице. Владик от испуга зарыдал во весь голос. Мимо шла женщина.

– Что ж ты так кричишь? – спросила она Владика.

Владик зарыдал еще громче.

– Не пойду домой. Не хочу, – кричал он.

Нина схватила его за рукав куртки и дернула.

– Пойдем, я сказала. Сил больше никаких с тобой нет. Ноешь и ноешь. Как девчонка. – Нина уже тоже орала на всю улицу.

Владик не понимал, что случилось с мамой. Он перестал кричать и начал подскуливать. Нина тащила его за рукав. Владик шаркал ногами.

– Поднимай ноги. Сколько раз тебе говорить? Мы опаздываем, можешь идти быстрее? – Она дернула сына за рукав. Владик не удержался на ногах и упал. Прямо в лужу. И опять зарыдал во все горло.

– Вставай. Быстро, я сказала. И рот закрой. – Нина встряхнула его, поставила на ноги.

Владик опять заскулил, как подбитая собака.

– Хватит, хватит! – Она со всего маху дала сыну по губам. Владик замолчал. Резко. Нина вела его за руку не оборачиваясь. Смотрела вперед. Только в лифте взглянула на сына. Он стоял опухший, глаза еще мокрые, а на губках кровь.

Нина вздохнула, в спине кольнуло. Межреберная невралгия. Хроническая. Всегда болит, когда продует или перенервничает.

– А кровь соленая, – сказал он. – Ты меня когда ударила, я кровь глотал.

Нина заплакала. Встала на колени и обняла сына.

– Мама, не плачь, мне уже не больно. – Владик гладил Нину по голове. – Знаешь, как я тебя люблю? Вот так.

Владик обхватил Нину за голову и сжал. Отпустил, вздохнул и еще раз сжал. Чтобы сильнее было.

Нина обцеловала сына. Он тоже чмокнул ее в щеку и вытер рукавом рот. Всегда так делал – целовал и вытирался.

Марина Михайловна, как всегда, опоздала. Владик сидел на стуле, даже не ссутулившись, а просто согнувшись. Как будто у него живот болел. Бурчал себе под нос. Марина Михайловна просила повторить. Внятно. Владик ерзал, сползал со стула...

Нина поставила перед англичанкой чашку чая. Положила торт вафельный. Даже не разрежала. Забыла. Двигалась на автопилоте, как говорил Гриша.

Марина Михайловна проворно вскочила, по-хозяйски подошла к шкафу, достала нож. Нина смотрела на англичанку и даже не попыталась встать. Хотя терпеть не могла, когда чужие лезли в ее шкафы. Даже подруги. Марина Михайловна отрезала кусок и, жуя, начала говорить. Нина не слушала, просто кивала. Один раз встала и подлила чай.

– Так вот он ее бросил. Эту фефу. Представляете, Ниночка? Бедный Геночка. Я прямо не знаю, что делать. Мне надо сейчас срочно кого-то искать. А середина года – уже все занимают. Мальчик-то какой хороший. Старательный. А теперь все псу под хвост. Эта фефа его забрала и к своей маме уехала. Звонила, правда, просила туда приезжать. Но я же не могу – это с двумя пересадками на метро. И за те же деньги. Отказалась, конечно. Хотя если бы она понимала, как Геночке со мной нравится заниматься, подняла бы цену. Сама я ей ничего, конечно, не сказала, зачем? Если не понимает – уже не объяснишь. Но на ребенке экономить? Я ведь права?

– Да, да. – Нина очнулась. Геночка – что-то знакомое. Ученик. Значит, Генину маму бросил Генин папа. И Генина мама уехала жить к своей маме.

– Что-то есть в ней неприятное, – продолжала Марина Михайловна, – взгляд такой мутный, тяжелый. Так что ничего удивительного. Сама виновата. Правда, Ниночка?

– Да, да.

Нина проводила Марину Михайловну и подумала: она тоже сама виновата? Подошла и посмотрела на себя в зеркало – может, у нее тоже взгляд мутный и тяжелый. Нет, скорее затравленный. Как мама говорит? Зайцы в глазах бегают?

Зазвонил телефон. Нина вздрогнула. Вдруг это она звонит? Любовница. Вдруг она решила, что может не только спать с Гришей, но и жить? Нина посмотрела на часы – пять. Значит, Гриша. Взяла трубку – впервые так осторожно. А вдруг не Гриша? А если Гриша, то вдруг он ей сейчас скажет, что все, конец.

– Алло? – шепотом спросила она.

– Привет. Как ребенок? – Гриша спрашивал как всегда. Никогда не говорил: «Как Владик?», «Как сын?». Всегда: «Как ребенок?»

– Нормально. Марина Михайловна только что ушла, – ответила Нина.

– Ладно, я задержусь сегодня. Ну, как обычно.

У Гриши на работе по вечерам проходили мозговые штурмы. Гриша говорил, что ненавидит их. Начальница приезжает к четырем и собирает их только в семь. Вот он и задерживается. А могли бы и с утра сесть. Впрочем, с утра он тоже иногда уезжал пораньше – на ранние совещания у другого начальника, который, наоборот, предпочитал приходить ни свет ни заря и требовал того же от сотрудников. Гриша жаловался, что так невозможно работать.

– Хорошо, – ответила Нина. Теперь, с новым знанием, она стала собирать пазл. Мозговые штурмы – это встречи с этой женщиной вечером, а утренние совещания – встречи утром. Нина никогда не помнила, в какой день недели – совещания, а в какой – штурмы. Помнила, что иногда они бывали часто, два раза в неделю, три. А иногда их отменяли. Может, надо было бы позвонить и уточнить у секретарши? Почему ей это раньше в голову не приходило?

Кстати, про пазл. Нина именно так и подумала – «собирать пазл». Катька, если бы услышала, сказала, что это выражение из ток-шоу. Но Нина, стоя с трубкой, смотрела на Владика, который собирал пазл. Кусочки были плохо вырезаны и не держались на своих местах. Владик начинал злиться. Нина знала, чем это закончится – Владик стукнет по уже почти собранному пазлу, и он разлетится по всей комнате. Сын будет плакать, а она – ползать по полу и доставать из-под кровати и шкафа фрагменты рисунка. Потом соберет картинку сама, но один кусочек обязательно окажется потерянным. В этот или в прошлый раз. Владик опять будет плакать и говорить, что такой пазл ему не нужен. Она будет его успокаивать и пообещает купить другой. А затерявшийся фрагмент найдется недели через две. Случайно. В коридоре. Или под ковром. Нина будет крутить его в руках и вспоминать, из какой он картинки. Не вспомнит и выбросит. У них тоже был семейный пазл. А теперь потерялся один кусок. И пазл стал плохой. Ненужный.

– Ты какая-то странная сегодня, – услышала в трубке Нина голос Гриши. И опять очнулась. – Голова болит?

– Да, болит, – ответила Нина.

– Магнитная буря. У всех сегодня голова болит. Ладно. Пока.

– Подожди, я хотела тебе рассказать... – начала вдруг Нина. Она ничего не собиралась говорить Грише. Потому что еще не решила, что говорить. Само собой сказало. Сказало, а дальше никак. Про почту, про найденную переписку, про то, что она все знает.

– Давай вечером. Ладно?

Гриша решил, что Нина хочет рассказать ему очередную историю про Владика в детском саду. Владик всегда что-нибудь смешное вытворял. Как все дети. Но Нине казалось, что Владик делал что-то особенно смешное. Она даже записывала одно время его высказывания и поступки в блокнот – «закипанка» вместо «запеканка» или «фусик» вместо «супчик». А потом бросила.

Хотя вот вчера забыла рассказать. Когда Нина пришла за Владиком, ему помогала собираться девочка. Доставала из шкафа куртку, шарф, торопила, говорила, что мама ждет.

– Кто это? – спросила Нина Владика по дороге домой. – Твоя подружка?

– Нет, мы просто теперь спим вместе, – ответил Владик. Оказалось, что девочку положили на кровать справа от Владика, потому что Толика – бывшего соседа по тихому часу – из сада забрали насовсем.

Вчера забыла рассказать, а сегодня уже не расскажешь. Нина вообще не знала, как теперь будет разговаривать с мужем. Она даже не решила, как будет жить дальше. И что вообще теперь делать?

Пока Владик не начал рыдать над пазлом, Нина набрала номер мамы. Она не знала, кому еще позвонить. Мама не отвечала. Нина даже обрадовалась. А что бы она ей сказала? «Мама, я узнала, что мне муж изменяет»? «И уже давно»? Но когда Нина уже хотела нажать кнопку отбоя, мама ответила.

– Мам, привет, как ты? – спросила Нина.

– Нормально, а что ты вдруг спрашиваешь?

– Просто так. Магнитные бури. У всех голова болит и давление скачет. Я волнуюсь, как ты там.

– У меня все болит и без магнитных бурь. Болит и болит. Какая разница – слабее или сильнее. Вот лекарство пошла покупать – врач прописал. Так одна упаковка семьсот рублей стоит. А ее на неделю. И курс – минимум три месяца. Да лучше сразу слдохнуть.

– Мам, тебе деньги нужны? Давай я привезу? И Владика возьму. Ты его давно не видела.

Нина загорелась идеей – она сейчас быстро соберет Владика и поедет к маме. А Грише скажет, что маме плохо и надо с ней побыть. И говорить ни о чем не надо будет.

– Да при чем тут деньги? Есть у меня. И не надо ко мне через всю Москву ехать. Два часа в дороге. Тем более ребенка тащить.

– Да я машину поймаю. И Владик будет рад – ему уже все дома надоело. – Нина хотела уехать. Чтобы не видеть Гришу.

– Нин, мне тогда встать нужно, еду какую-то вам готовить. Убрать надо. А мне так не хочется. Я лежу сегодня целый день, книжку читаю. Давай завтра? Я тогда с утра в магазин схожу, куплю что-нибудь вкусенькое. И Владик же привык, что его здесь новая игрушка ждет. Он придет, а игрушки нет. На машине ты еще дольше ехать будешь – пробки везде.

– Ладно, в следующий раз, – сказала Нина.

– У тебя случилось что? С Гришей? Или просто по матери соскучилась? – спросила вдруг мама, уже по-другому, серьезно.

– Нет, нет, все в порядке. Гриша на работе. Просто сама себя неважно чувствую. Тоскливо от этой погоды.

– Ой, ну что ты ноешь? – Мать взяла привычный тон. – Молодая еще. Мне вон уже шестой десяток, я и то не жалуясь. А ты чего? Заняться нечем? Сходи куда-нибудь. Развейся. Сидишь в четырех стенах, как не знаю кто.

– Ладно, схожу. Целую тебя. Пока.

– Пока. Звони.

Нинина мать тоже была недовольна тем, что Нина сидит дома. Странно, что опять Катюшку не вспомнила – всегда вспоминает. Какая Катя молодец. И ребенка родила, и дом ведет, и карьеру делает, и деньги зарабатывает.

Нина положила трубку и подумала, что будет, если она завтра придет к маме с Владиком. На первые три часа их хватит. Потом начнут скандалить. Из-за ерунды. Мама даст Владик до обеда что-нибудь сладкое, Нина отберет, Владик раскричится. Сын разбалтывается, просто развинчивается, у бабушки – его ни уложить вовремя, ни накормить нормально. Будет только играть и мультики смотреть. Не заставишь ни почитать, ни порисовать. Нина встанет что-нибудь приготовить – будет спрашивать, где соль, где кастрюля. Мама начнет злиться и говорить: «Самой проще все сделать». Мама с внуком пойдет в магазин и купит какую-нибудь жуткую игрушку – робота-трансформера, например. Для десятилетних. Владик не сможет его собрать. Нина тоже не сможет. Опять начнется крик. К тому же маме придется про Гришу объяснять – она сразу почувствует, что что-то не так. Нина уже знала, что мама ей скажет – сама виновата. И правильно, что Гриша ее бросил. Потому что Нина бесхарактерная. Нина прямо услышала, как мать ей говорит:

– Ты, куда ветер подует, туда и полетишь. Не умеешь решения принимать. Все ждешь, что жизнь тебя сама вывезет. А так не бывает. Вот кто замуж позвал, за того и пошла. И ребенка родила, когда надо было карьеру делать. Еще бы успела двадцать пять раз родить. И сейчас – села сиднем и сидишь, не чешешься. Ни гордости, ни амбиций, ничего. И сына такого же растишь. Пристегнула к юбке и попу ему подтираешь. А он мальчик. Ему в этом мире жить. Здесь нужно уметь кулаками бить и зубами рвать. А он у тебя чуть что – в слезы. Смотреть противно. Отдала б мне его на недельку – я бы из него быстро человека сделала. И что за имя дали – Владик. Тьфу. Надо ж было такое придумать – Владислав.

Мама всегда говорила Нине одно и то же. Нина сначала вскидывалась, а потом надоело. Мать никогда не скрывала, что Гриша ей не нравится. Вообще никак. Она его, видите ли, не уважает. Потому что не за что уважать. Пафоса много, а толку – хрен.

Гриша родился и вырос в Туле – Нинина мать называла его «тульский пряник».

– Мам, а почему ты разрешила мне выйти за него замуж? – спросила как-то Нина.

– Так у тебя ж любовь была. И потом, мне, что ли, с ним жить? Твое дело. Я же тебе свою голову не приставлю, – ответила мать.

– Но у нас семья. Он нас любит.

– Да на здоровье. Я что, лезу? Пусть скажет спасибо, что у него такая теща – не видит меня и не слышит. Хотя иногда так хочется сказать ему пару слов – чтоб пафосу-то поубавилось. А то

смотрит на меня, как будто я пьянь и рвань последняя. Или быдло какое. Нашелся аристократ хренов. У самого мамаша не дура выпить. Я ее помню на вашей свадьбе. Она быстренько водки наклюкалась. И подливала себе сама, не стеснялась.

– Мам, никто на тебя так не смотрит. Что ты выдумываешь? Какое быдло? Какая пьянь? Что ты опять завелась?

– А почему ты так с матерью разговариваешь? Что значит завелась? Не нравится? Не надо. Можешь найти себе другую. Вон к маме своего «тульского пряника» поезжай. Она у вас хорошая. А я плохая – и матерюсь, и ребенка порчу.

– Мам, ну что ты несешь?

– Это я несу? Конечно, я ведь только «нести» могу. Это вы у нас разговариваете. Ничего, я тебе еще понадобится. Еще ты меня вспомнишь. И не звони мне больше. Сердце после твоих звонков болит. Только лекарств напьюсь, успокоюсь, так ты звонишь и нервы мне треплешь. Все, не звони.

Так заканчивались два разговора из трех. Даже если Нина давала себе обещание не отвечать, не реагировать, все равно они ругались. Нина потом плакала, перезванивала. Мать тоже плакала и бросала трубку.

Нина отогнала эти мысли и вспомнила, что пора кормить сына.

– Иди ужинать, – крикнула она Владу.

Сама зашла на кухню, открыла холодильник и поняла, что забыла приготовить ужин. Просто забыла. Мясо так и лежало в тарелке на нижней полке. Разморозилось.

Владик покорно пришлепал босой на кухню.

– Иди носки надень, – велела Нина.

– Не хочу, – ответил Владик.

– Сосиски будешь? Или пельмени?

– Сосиски? Пельмени? – Владик повторил, интонируя последний слог вверх, и даже подпрыгнул на месте. Нина позволяла ему есть сосиски с пельменями только в крайних случаях. У бабушки, например. Потому что считала эту еду неправильной и вредной. Зато Владик прямо трясся над упаковкой детских сосисок. Мог съесть штук шесть. Глотал не жуя. Запихивал в рот целиком. – Буду, буду, – закричал он. – Спасибо, мама.

– Так что, сосиски или пельмени?

– Сосиски и пельмени.

Сосиски сварились быстрее. Владик съел. На пельмени его уже не хватило. – «Оставлю для Гриши», – подумала Нина, закрывая тарелку прозрачной пленкой. Подумала и села. Значит, Гриша придет, и она накормит его пельменями. Значит, она никуда не уйдет. Значит, все будет как раньше. Нет, как раньше нельзя. Нина выбросила пельмени в мусорное ведро.

– Владик, иди купаться, – крикнула она.

Владик не ответил. Нина услышала шум воды и заглянула в ванную. Владик сидел и намыливал себе голову шампунем. Сам пошел, без напоминания. А обычно не загонишь. Значит, что-то чувствует. Нина потрогала воду – прохладная.

– Владик, вода же холодная. Ты же простудишься. – Она сделала воду потеплее.

– Мама, не сердись. Я больше не буду, – сказал Владик. Она посмотрела на сына – худенький, бледный, почти синий. Сидит с пенной шапкой на голове и смотрит внимательно. И зайчики в глазах бегают.

Нина вышла из ванной и заплакала. Включила воду на кухне, чтобы Владик не испугался. Она весь день тихо плакала – просто слезы катились, а тут не сдержалась – скулила, как Владик на улице.

Нина как могла успокоилась, плеснула себе в лицо холодной водой и заглянула к сыну в ванную.

– Мама, у меня вода все равно холодная. Можно, я вылезу? Я уже замерз, – попросил он. Нина вспомнила – если включаешь воду на кухне, в ванной ослабевают напор и течет холодная.

– Конечно, мой золотой. Давай скорее. – Нина обернула сына полотенцем и отнесла в комнату. Начинались «Спокойной ночи». Они всегда вместе смотрели «Спокойной ночи» – лежали на диване, обнявшись. Когда к мультику успевал вернуться Гриша, Владик усаживал и его на диван. Гриша говорил, что ему нужно переодеться и помыть руки, но Владик хватал его за брючину и не отпускал. Мультик в такие дни он не смотрел – смотрел на лица родителей. На маму и папу. И держал, вцепившись, обоих за руки.

– Ну что, пойдём, я тебе почитаю, – сказала Нина, когда они вместе допели «Спят усталые игрушки». Это тоже был их ритуал – петь вместе.

Владик лег, Нина взяла книжку и прилегла рядом. Прочитала абзац и спросила, не выдержав:

– Владик, а если мы будем жить вдвоем? Ты и я? Хочешь?

– А папа?

– А папа будет работать и приезжать к нам на выходные.

– А куда приезжать? Сюда?

– Не знаю, может быть, мы переедем в другую квартиру.

– А эта квартира в России?

Нина купила Владике карту мира и повесила над его кроватью. Она рассказывала ему про разные страны и разные языки. У Владика в голове все перепуталось. Поэтому он уточнял.

– Да, здесь, в Москве. Только в другом районе.

– Где бабушка живет?

– Может, там, где бабушка. Или в другом.

– А там по-русски говорят?

– Да, по-русски.

– Нет, не хочу, я хочу здесь жить. В Москве, в моем доме. С папой.

– Хорошо, хорошо.

Нина прочитала еще два абзаца, и вдруг Владик спросил:

– А мою кровать мы тоже заберем?

– Куда? – не сразу переключилась Нина.

– В другой дом.

– Не знаю. Может, и заберем.

– А игрушки?

– Заберем обязательно. Все.

– А шкаф?

– И шкаф заберем.

– А ванную?

– Нет, ванную нельзя забрать.

– И кухню нельзя забрать?

– Нет, нельзя.

– Нет, я не хочу в другой дом.

– Хорошо, Владик, не поедем в другой дом. Все, спать пора.

Нина поцеловала сына и вышла, прикрыв дверь. Владик ворочался и разговаривал во сне. Спорил. Видимо, с ней, с Ниной.

Она сидела и смотрела по телевизору фильм – с середины. Просто чтобы куда-то смотреть. Так и не решила, что делать. Гриша должен был вот-вот вернуться. Как обычно возвращался с мозговых штурмов. Теперь она знала – он вернется от любовницы. Смотрела на часы. Детские, в виде свиньи. По ним она учила Владика определять время. Большая стрелка двига-

лась слишком быстро. Вдруг зазвонил телефон. Нина опять посмотрела на часы. Никто ей не звонит в такое время. Нина взяла трубку.

– Аллю?

– Нина, привет, это Игорь. А Гриша еще не вернулся?

– Нет. Еще нет.

– Ладно, извини, что так поздно. Передай ему, пожалуйста, что я звонил.

– Передам. – Нина положила трубку.

Ей стало плохо. Она легла поудобнее. Но телевизор все равно расплывался. И потолок кружился. «Скорей бы Гриша вернулся, – подумала она. – Вдруг я в обморок упаду? А там Владик. Надо встать и пойти намочить полотенце».

Игорь был давним приятелем Гриши. Адвокатом. Работал в известной адвокатской конторе. Вел все – от семейных дел до уголовных. Ничего особенного в звонке Игоря не было – Нина знала, что муж консультируется с другом по каким-то делам. И просто иногда обедают вместе. Но сейчас она испугалась по-настоящему. И вспомнила давний разговор. Очень давний. Хотя что значит – вспомнила? Она про него и не забывала.

Владик тогда только родился. Месяца два ему было. Нина с Гришей поругались. Нина не помнила из-за чего. Помнила только, что тогда она была не такой, как сейчас. Вытащила чемодан и начала бросать в него вещи. Свои и Владика.

– Все, не хочешь – не надо. Я проживу без тебя. И ребенка прокормлю, – кричала она Грише, кидая вещи.

Он тогда вырвал у нее чемодан, схватил ее за плечи и бросил на кровать.

– Только учти, ребенка я тебе не отдам. Поняла? Я найму Игоря, и он сделает так, что ребенок останется со мной. Ты поняла? Хорошо поняла? Запомни это.

Нина подумала – почему она тогда не ушла? Ведь нельзя жить с человеком, который говорит тебе такие вещи. А тогда не так было страшно, как сейчас. Тогда и работа была, и чувство независимости еще не притупилось. Она осталась, потому что ни на минуту не сомневалась – Гриша сделает так, как сказал. Наймет Игоря и отберет у нее ребенка.

Про тот скандал давно все забыли. И даже не вспоминали. Они с Гришей вообще не ругались. Так, спорили по мелочам. А зачем ругаться? Какой смысл? Только хуже будет. Нина заставила себя подняться с дивана и пошла к Владиду. Сын спал, раскинув ручки. Как маленький. Уже большой, но еще такой маленький. А вдруг Гриша решил подать на развод и попросил Игоря все устроить? А вдруг он заберет у нее Владика? Хотя, если он будет с новой женой, зачем ему Владик? Нину начало подташнивать. Она пошла в туалет. Ее вырвало. Сосиской, которую она доела за сыном.

Нина давно для себя не готовила – только для мужа и сына. И доела за ними то, что останется. Для себя она не умела готовить. Нина скрючилась на кафельном полу. Ее знобило. «Надо встать и пойти налить себе чаю», – думала она.

– Мама, – услышала голос сына Нина. Владик часто звал ее во сне. Она подходила, говорила «ш-ш-ш», и он успокаивался.

Нина схватилась рукой за унитаз – чтобы подняться. «Завтра надо почистить», – подумала она. Перехватила руку и вцепилась в раковину. Умылась. Владик уже не звал, и Нина опять опустилась на холодный пол.

Надо было сделать, как Катька. Нина знала, что Катька периодически уходит в роман. Временные увлечения у нее назывались «фри-ланс». С Гариком тоже начиналось как «фри-ланс», а переросло в «фулл-тайм», то есть в замужество. Катька гуляла осторожно – без ущерба для психического здоровья, своего и Гарикова.

– Неужели Гарик ничего не замечает? – удивлялась Нина.

– Ему не надо, он и не замечает, – пожимала плечами Катька.

Когда у Катьки случался «фри-ланс», она напевала: «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино...» Нина старалась понять подругу, но иногда совсем не понимала.

У Нины заболел Владик. Сильно простудился. Позвонила Катька – просто так, поболтать. Нина сказала, что сидит с больным Владиком.

– Слушай, я скажу Гарику, что у тебя, ладно? – сказала Катька. – Спасибо.

Нина тогда положила трубку и обиделась. Вот Катька сейчас позвонит Гарику и скажет, что поедет к ней, помочь с больным ребенком. А сама – на «фри-ланс». Неужели нельзя что-то другое придумать? Не про Нининогo Владика. Неужели Катька не чувствует, что нельзя придумывать про это?

Нина опять на руках подняла себя к раковине. Умылась. Почистила зубы. Посмотрела в зеркало. Взяла тушь и накрашила ресницы. В ресницах она чувствовала себя увереннее. Вот придет Гриша, и она сможет ему все сказать. И он не отберет у нее Владика – ведь это он виноват. Он ей изменял. А если разводиться? Он отдаст ей половину квартиры? Она ведь имеет право на половину? Надо будет кого-то нанимать – чтобы разменять и купить. А потом ремонт делать в новой квартире. Ладно, ничего. А если Гриша ей не отдаст половину? Тогда к маме? В конце концов, так тоже нельзя. Она молодая, еще ничего. И проживет. На работу пойдет. Только Владика тяжело будет – он тоже не любит, когда что-то меняется. Даже новую обувь надевает с криком. Не хочет, не привык. Хочет старые ботиночки. Только вчера скандал был – Нина новые сандалики Владика для сада купила. Дорогие, красивые. А он ни в какую. На старых уже подошва стерта – воспитательница даже сказала, чтобы новые принесли. Сын рыдал минут двадцать – нет, хочу старые – и все. А тут не сандалики, а дом надо будет менять.

Нина зашла к нему в комнату – посмотреть. Владик вспотел и ворочался.

– Ты мое солнышко. Спи, родной, – погладила его Нина. Она еще долго стояла, смотрела... Мальчик такой золотой. Нина заплакала. Она сможет жить с Гришей. Ради Владика. Ничего. Многие так живут. Зато у ребенка все будет хорошо. Лишь бы Гриша ее не бросал. А вдруг он решил уйти к этой? Нет, его нельзя отпускать. Нельзя же это все рушить. Так, одним махом. Надо будет попросить, чтобы он ее не бросал. Она все для него сделает. Все, что угодно. Лишь бы Владик жил в своей комнате, спал в своей кровати. Лишь бы он не плакал. А ради кого еще жить? У нее, кроме Владика, никого нет. Только мама. Но маме она не нужна – Нина не может даже приехать просто так. Мама должна позвать. Она ее не зовет. Не хочет. Зато Владика Нина нужна. Очень нужна.

Нина иногда раздражалась, когда сын без конца ее дергал: «Мам, мам, мам, мам», – чтобы достать что-нибудь или посмотреть. «Ну что ты мамкаешь?» – сердилась Нина. У нее то плита, то ведро с тряпкой. Она не может все время к нему бегать. А потом в какой-то передаче, очередном ток-шоу, Нина услышала, что детям нравится сочетание звуков – мама. Им просто приятно это повторять, вот они и мамкают. Нина тогда обрадовалась. Значит, Владика нравится звать ее, маму.

– Ты чего тут стоишь? – спросил пришедший домой Гриша. Нина не слышала, как он открыл дверь, и от неожиданности дернулась.

– Ничего, просто так. Зашла посмотреть на него.

– Заснул вовремя?

– Да, да, нормально. Сандалики новые так и не обул. Опять плакал.

– Надо старые выбросить, и все. Нет сандалий, нет проблемы.

Нина посмотрела на мужа. Вот он и ее так же может выбросить. Как сандалики. Нет жены, нет проблемы.

– А у тебя все так просто или только с обувью? – Нина не сдержалась. Не смогла. Не захотела.

– Нинуль, ты чего? Ты себя как чувствуешь? И что с глазами? Ты плакала? – заметил Гриша.

– Да, мне плохо. Я плакала. И рвота была. И твоя англичанка мне надоела.
– На тебя смотреть страшно.
– Не нравится – не смотри, – сорвалась она и ушла в комнату.
– Никуль, ты чего? Плохо тебе?
– Плохо.
– Выпей таблетку. Зачем мучиться? Слушай, там есть что поесть?
– Нет. Сделай себе яичницу.
– Ладно, не надо. Я перекусил бутербродами. Кстати, в кафе видел твою Катю. С мужиком каким-то.

– Ну и что? Деловая встреча.
– Да, знаю я такие деловые встречи.
– Откуда?
– От верблюда. Ты чего такая дерганая?
– Я не дерганая. Гриш, ты меня любишь?
– Ненавижу, – пошутил он.
– А у тебя никого нет?
– Нин, знаешь, может, тебе правда на работу пойти? А то ты совсем тут одичала. Перестань, у меня такой день был тяжелый.

Гриша пошел в ванную. Брился, насвистывая мелодию.

– А можно не свистеть? – Нину опять начало тошнить. Она влетела в ванную. – Выйди, пожалуйста, мне плохо, – попросила она мужа.

Ее вырвало уже окончательно. Нина в очередной раз почистила зубы и умылась. Пошла в комнату, переоделась и легла в кровать. Гриша пришел с чашкой чая. Поставил на тумбочку.

– Попей, – сказал он. Нина видела, что он переживает. – Ну, ты чего расклеилась? – Гриша поцеловал ее в лоб. – Я тебя очень люблю, и у меня никого нет. Спи, я к Владу сам подойду, если что. И утром не вставай. Я его сам в сад отведу.

– А совещание или мозговой штурм?

– Сбылась мечта идиота. У нас сменилось руководство. Я тебе не говорил? Так что теперь трудовая деятельность только в рабочее время, согласно КЗОТу. Самому не верится. Все, спи. Нина допила чай и уснула. День был тяжелый.

Нина вышла на работу. Начальник сдержал обещание – взял в тот же день. Обрадовался и кинулся обниматься. А Нина с удовольствием вдыхала знакомый запах. Она работала, но голова была занята другим. Владиком и Гришей. В большей степени Владиком, в меньшей – Гришей. Нина, сначала с раздражением, а потом с облегчением, поняла, что Владик без нее может. И Гриша может. И ничего страшного не случится, если она не сходит в магазин и не вытащит из морозилки курицу.

– Как дела? – спрашивала я Нину на очередном пресс-ланче.

– Владик в соплях. Инфекция. Не пойму откуда, – говорила Нина.

– А на работе?

– Нормально.

– Переходить не думаешь?

Вечный вопрос к коллегам – как там у вас? Переходить не собираешься? Издания закрылись, запускались новые проекты, деньги задерживались, а в другом месте обещались золотые горы. Все друг с другом советовались: стоит – не стоит? Надолго – ненадолго? Только Нина сидела в своей газете, на своем старом месте.

– Думаю, куда Владика на лето девать, – говорила Нина.

С Ниной было спокойно. Я ей завидовала. Ее так мало интересовали все эти рабочие моменты – мелкие скандалы, крупные встряски, перестановки... Главное, чтобы у Владика не было соплей.

Как прикрыть адюльтер и задушить мужа подушкой

Журналисты с утра всегда в нерабочем состоянии – джинсы, свитер, хорошо, если успеешь ресницы покрасить или жвачкой пиво зажевать. Хронически помятое лицо. Главные герои – в костюмах, при галстуках, если мужчины; с хорошим маникюром и укладкой, если женщины. По-утреннему свеженькие или по-обеденному бодрые. Смотря кто когда обедает. Они волнуются, ты – нет.

Потому что они будут как миленькие отвечать на твои вопросы. Если, конечно, ты их сформулируешь. Утром это трудно. А можешь даже ничего не спрашивать – пусть сами выкручиваются. Готовиться к интервью? Надо бы, но лень. Экспромтом. Они приехали вовремя, даже чуть раньше, ты опоздал. Наплевать.

Так вот, у меня пресс-ланч. Я впервые по ту сторону, в качестве героини, и хочу быть по-утреннему свежей и по-обеденному бодрой. С вечера приготовила белую рубашку и почистила сапоги. Хочу быть красивой. Это от неуверенности. Очень, очень страшно. Я готовилась. Даже экспромт должен быть подготовленным. Я придумала себе штук тридцать возможных вопросов от журналистов и шестьдесят ответов на них. Опять же вечером на нервной почве покрасила ногти и записалась на девять утра на укладку в салон.

– Что ты волнуешься? – спрашивает муж. – Ты же знаешь, как это происходит.

Знаю, но от этого не легче.

У меня много времени. Но няню я вызвала на полчаса раньше – не дай бог опоздать. Лучше приехать заранее. Ровно в девять утра – в салоне. Аккуратно покрашенная, в белой рубашке, с длинными бусами, в начищенных сапогах. И с хвостом на голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.